

Ночная гостья / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Ночная гостья / рассказ НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

В воздухе, бледном от тусклого солнца, одна за другой летели серебристые паутины-мезоны, листву перебирало, несло налетающим ветерком – желтая, она медленно кружилась и снова падала на темный, кое-где заснеженный асфальт.

Надира шла, придерживая рукой разлетающиеся волосы. Опять ветер, думала она. Ни минуты покоя, откуда у него столько сил, что его гонит? Почему он ни на минуту не оставит эти желтые листья? Вон даже земля жалеет листву, старается притянуть ее к себе...

Надира смотрела на разлетающуюся листву, пожелтевшую, сорванную с веток, а прохожие шли и шли, подминая листья ногами. «Как выразить, как нарисовать ветер? – задумалась она. – Возможно ли это, может ли выглядеть ветер на полотне? Ведь я художница, я должна представлять себе образ ветра. Может, он похож на сильного человека с густыми сросшимися бровями, в шапке черных развевающихся волос? Может, в глазах его светится веселая усмешка, а на смуглых щеках играют круглые ямочки?»

Надира чуть не рассмеялась, как это – ямочки на смуглых мужских щеках? Но представить себе ветер как-то по-другому она уже не могла. Почему бы, собственно, нет?

Бабушка и мать пили чай на веранде и, конечно, ждали ее, Надиру.

– Садись, пей, чай горячий, – ласково позвала бабушка. – Сразу усталость снимет. Посиди с нами.

– Поговори с нами, – позвала и мать.

– Опять о женихах? – фыркнула Надира. – Опять кто-нибудь появился?

– Разве ты маленькая? – рассудительно заметила мать. – Смотри, красота уйдет, молодость уйдет, кто тебя в жены возьмет старую? Есть тут парень один, сватов готов заслать. Толковый, интеллигентный парень.

– Да я ж не знаю его!

– Ну и что? – возразила мать. – Так уж обязательно знать? Что вы все о любви, да о любви? Я с отцом твоим до самого дня свадьбы ни разу не виделась, а ведь живем много лет... А вам все любовь! Что, от любви звезды ярче?

Испугавшись, как бы бабушка не начала ее убеждать, Надира быстро прошла в свою комнату. Настроение было испорчено. Скорее забыть услышанное! «Что, от любви звезда ярче?» А разве нет? Если любимый человек рядом, разве не покажутся яркими самые малые, самые незаметные звезды?

Правда, мать тоже права. Ей хочется нянчить внуков... Но не бросаться же ради этого в объятия совсем незнакомого человека. Остановившись перед мольбертом, на котором стояло готовое загрунтованное полотно, Надира машинально смешала на палитре краски. Кисть знакомо, упруго легла в руку. Надира вовсе не собиралась работать, пальцы действовали сами по себе. А в голове билась одна мысль: ну как это жить всю жизнь с нелюбимым? Вон даже бабушка, добрая и ласковая, все думает, как бы побыстрее отдать ее, Надиру, замуж. С ума можно сойти! Свет клином сошелся на этом замужестве! Как, как без любви! И почему она, Надира, никак не встретит человека, который бы понравился ей сразу и навсегда? Ведь нашла Ширин своего Фархада, ведь нашла Лейли Меджнуна! А ей, Надире, любовь, видно, небо не сулило.

Она вздрогнула.

Повинуясь ее умелым рукам, на загрунтованном полотне медленно появлялось необычное, но почему-то знакомое лицо. Сросшиеся густые брови, насмешливый взгляд, даже ямочки на смуглых щеках... Ах да, она ведь шла домой и думала, как можно записать образ ветра. Почему бы этому беспокойному существу не выглядеть именно так? Руки Надиры заторопились: мазок еще мазок...

«Подожди, – остановила она себя. – Зачем спешить? И чье все же это лицо? Неужели я сама его придумала? И почему ветер должен выглядеть именно так?»

Она не находила ответов, а руки ее продолжали работать. Она

боялась потерять даже мгновение.

Скрипнула дверь.

Бабушка...

Увлеченная Надира даже не обернулась. Бабушка, осторожно ступая, сама подошла к мольберту. От бабушки сладко и знакомо пахло гвоздикой и базиликом – запах, возвращающий детство. Надире вдруг захотелось совсем как тогда, когда она была совсем маленькой, обнять бабушку, прижаться к ней, почувствовать ее шершавые добрые руки.

– Не обижайся на свою мать, внучка.

Горло Надиры сжало непонятной обидой.

– Не обижайся на нее, внучка. Она ведь мать, ей хочется чувствовать себя бабушкой. Она вырастила тебя, ей хочется вырастить и твоих детей.

Надира не ответила, так сильно перехватило ей горло. Только это была все же не обида, а какая-то жалость. Она, может, даже и расплакалась бы, но бабушка наконец увидела портрет.

– Кто это?

Надира неопределенно пожала плечами.

– Не знаю... Может быть, ветер... Все время сегодня думаю о нем... Шамол – непостоянный, но такой влекущий к себе ветер... Мелькнул, свистнул – и нет его...

– Камол? – не расслышала бабушка. – Камол – совершенство. Красивое имя.

Надира улыбнулась. Как ни было ей грустно, не могла она удержать улыбку.

– Ладно, работай, – нисколько не обиделась бабушка. Но, уходя, все же не выдержала: – Кто он, этот Камол? Чем занимается?

Надире совсем стало смешно, даже настроение от оговорки бабушкиной улучшилось:

– Ну бабушка! Не Камол. Я Шамол сказала. Ветер, непостоянство, а ты говоришь – Камол... А все равно красив, правда? – обернулась Надира к бабушке. – Шамол... Ветер непостоянный, влекущий... Как человек, которого ждешь и ждешь... Только где он, этот человек, которого ждешь, а, бабушка? Ведь, правда, как ветер: сколько ни старайся, не поймаешь, не удержишь его... Вот, кажется, рядом он, но вот уже и нет его, не догонишь...

Бабушка задумчиво покачала головой:

– Понимаю тебя, внучка. Ты такого ждешь?

– Да, – вдруг выдохнула Надира. Не хотела ни обманывать бабушку, ни огорчать ее.

– Ладно, рисуй, – в глазах бабушки мелькнули странные искры, казалось, она вспомнила что-то важное. – Может, ты и права. Если уж ждать, то такого, который отвечает тебе.

И вышла.

Дивясь себе, дивясь таким резким перепадам своего настроения, Надира повернулась к мольберту и внимательно взглянула на почти законченный портрет: густые сросшиеся брови, черные волосы, темные насмешливые глаза... «Как странно... Он, кажется, смотрит на меня... – Она даже поправила платье на груди. – Он так смотрит на меня, будто понимает, о чем я думаю...»

Смущенная, она даже отступила на шаг. Хорошо ли это, рисовать человека с такими насмешливыми и живыми глазами?..

Тьма. Щемящая тьма. Вечная щемящая тьма. Как вырваться из нее, поможет ли мне эта девушка? Она считает – она создает меня, а я вечен, как любовь. Это даже смешно, как она старается, только я все равно не буду над нею смеяться...

Свет. Ясный свет. Брызжущий живой свет. Это она, эта девушка, дарит мне свет и мир. Разве можно над такой смеяться?

Свет. Ясный свет. Как она, эта девушка, смотрит на меня! Будто ждала долго. Жар от нее истекает, ждет она. Вот смотрит прямо в глаза, и вся излучает свет. Зачем она шепчет, что она шепчет? «Что, от любви звезды ярче?» Конечно, ярче. Это видно, она знает правду. Как я хотел бы подсказать ей, что она ошибается...

Она видит, она чувствует, она даже боится меня. В глубине ее глаз и страх, и ожидание. Только почему она отворачивается, уходит? Не уходи! Не оставляй меня во тьме!

Нет, ушла. И я не могу ее остановить. Выбор делает лишь она. Вернись, помоги мне!

Снежинки медленно летали с темных небес. Как такие светлые снежинки рождаются в темном небе? Надира поежилась от холода. Подняв воротник мехового пальто, она спешила домой. Деревья вдоль улицы стояли присмирившие, все пряталось, тонуло в белой медленной пелене.

«Как белые цветы вишни...» Бабушка очень любила весну, вспомнила Надира. Весной с вишен падают белые цветы. Бабушка могла часами сидеть на скамеечке под старой вишней...

Сердце Надиры сжалось: уже два месяца, как бабушки нет в живых. Она, Надира, никак не смирится с этим. Все кажется: вот сейчас скрипнет дверь, войдет бабушка...

Но нет ее...

В комнате Надиры на мольберте стоит почти законченный портрет. На нем бабушка совсем как живая – лицо в морщинках, платок на голове... Когда Надира работала над портретом, бабушка посмеивалась:

– Вот погоди, однажды оживу на портрете, потребую твою душу, что ответишь?

– Отвечу: возьми! – смеялась Надира. – Для тебя, бабушка, ничего не жалко. Даже души. Только мне что останется?

– У человека много душ, – вдруг начала объяснять бабушка. – У человека сотни душ. Вот сделал хорошую вещь, значит, вложил в нее одну душу. В хорошей вещи, как в хорошем поступке, всегда остается человеческая душа.

– Как это? – удивилась Надира. – Вот напишу сто прекрасных портретов, истрачу все свои души, а дальше как?

Бабушка кивала головой:

– Душа остается лишь в настоящей прекрасной вещи или в настоящем поступке. Много ли таких вещей и поступков, подумай. Не каждой вещи человек отдает себя всего...

Сейчас, войдя в свою комнату, скинув пальто, Надира почему-то сразу подошла к портрету бабушки. Она, правда, отдала этому портрету все свои силы, всю свою любовь к бабушке, не зря бабушка смотрела на нее как живая...

– Ой! – испуганно вскрикнула Надира и отступила от мольберта. Ей показалось, бабушка и впрямь взглянула на нее, почудилось на мгновение... Но это было так необычно и даже страшно, что

Надира закрыла глаза руками. А когда отняла руки, увидела: на раме портрета сидит ни весть откуда взявшаяся ночная бабочка.

– Ой, папа! – крикнула Надира

Отец, смотревший телевизор, испуганно вбежал в комнату:

– Что такое?

– Смотри!

– А, бабочка? – облегченно вздохнул отец. – Ты меня напугала. Я, было, подумал – тебе плохо. А это – просто ночная бабочка. Знаешь, как ее называют в народе? Арвохкапалак. Правда, красиво? У нас считают ее духом умерших. Если человек умирает, оставив незавершенное дело, он беспокоится, он превращается в такую вот бабочку арвохкапалак, он напоминает оставшимся, будто говорит: «Не забудьте довершить дело...» – Отец вздохнул: – Это, может, дух твоей бабушки. Она ушла, не увидев твоих детей...

Он погладил Надиру по плечу, как маленькую:

– Не бойся. Это только ночная бабочка. Она не может приносить плохих вестей. Это тебе весть и напоминание от твоей бабушки.

– Да, да, папа. Конечно!

Но в эту ночь Надира почти не спала. Ведь это правда, она не подарила своей бабушке высшей радости – понынчиться с правнуками. Но разве это только ее вина? Где он, ее суженый, встретит ли она его?

Усталая, она поднялась с первыми лучами солнца. Она не смотрела в сторону бабушкиного портрета – эта ночная гостья все еще, наверное, сидит там на раме. Что за весть она принесла? Что ей делать?

Надира накинула на плечи пальто. На улице холодно. Она погуляет по пустой заснеженной улице и успокоится. В самом деле, чего это она так разволновалась? Ну, прилетела бабочка, ну называют ее арвохкапалак, что из этого?

Она вышла во двор и вскрикнула.

За калиткой, не открывая ее, стоял молодой человек, с восхищением и удивлением глядя на нее, Надиру. Его черные густые волосы забросало снегом, снежинки лежали даже на густых сросшихся бровях, но глаза смотрели восхищенно – казалось, он и не замечал холода.

– Что вы тут делаете? – растерянно спросила Надира.

Парень показался ей вдруг знакомым.

– Жду тебя.

– Меня?

Надира посмотрела на незнакомца уже с подозрением. Что на нем за наряд? Рубашка в крупную клетку, поношенный пиджак, такие же брюки, летние туфли... Она где-то видела эту одежду... Да и парня этого она тоже видела где-то... Почему он здесь? Почему он ждет ее?

И она его вдруг узнала.

– Заходите, зачем стоите на улице? – у нее даже голос сорвался. – Заходите, будете гостем, Шамол.

Тьма. Щемящая тьма. Щемящая тьма и остановившееся время. Зачем я здесь, в пыльной кладовой? Где девушка, написавшая меня? Неужели я больше не увижу света?

Свет!

Дверь медленно открывается. Но это не девушка. Это старый человек, это совсем старая женщина. Ее глаза щурятся, она пытается рассмотреть меня. «Что, от любви звезды ярче? Почему она это шепчет? О ком она думает? О той девушке, о моей создательнице? Она пришла подарить мне свет?

«Не теряй время», – это она шепчет.

«Время? – я никак не могу понять. – Что такое время? Почему я его теряю? Где я?»

«Очнись и встань, – это она, очень старая женщина, говорит мне. – Надира придумала тебя, ты ее создание, я хочу, чтобы ты жил, Шамол. В тебе душа моей внучки, ты ее часть, она ждет тебя. Поэтому торопись. Всякому ожиданию есть предел, Шамол!»

«Но как я встану? Я лишь портрет!»

«Тише. Не говори так громко. Смотри на меня. Смотри мне прямо в глаза. Вот так, прямо в глаза...»

Свет. Яркий свет. Я стою посреди пыльной кладовой и глажу руками свое настоящее живое тело. Я могу говорить, двигаться, я могу идти...

«Но ведь я голый?!»

«В доме все спят. Сделай несколько шагов, Шамол. Там, в шкафу висит старая одежда. Утром встань у калитки, Надира узнает тебя. Я тоже отдаю тебе душу, Шамол, помни об этом».

— ... Никто не видел, как я выходил из дома. Душа твоей бабушки заставила меня подняться...

Надира изумленно молчала. Если все так, как рассказывает Шамол, значит, существуют чудеса. Те, настоящие, без которых жизнь человеческая пуста. Ей страстно хотелось верить услышанному.

А Шамол стоял перед нею весь в снегу, в этой своей нелепой одежде, взятой из старого шкафа, и ямочки при улыбке появлялись на его смуглых щеках. Самой себе Надира могла признаться: она действительно ожидала его. Но вот Шамол пришел, и она потеряла дар речи.

— Ты простудишься, — наконец выговорила она.

Шамол поднял голову:

— Простужусь? Какое странное слово. Еще вчера оно мне и в голову не приходило.

— Это потому, что ты был один, Шамол. Идем, я познакомлю тебя с родителями.

Надира не слышала удивленных восклицаний отца и матери. Она медленно прошла через свою комнату прямо в кладовую и вытащила из груды сложенных там старых полотен то, на котором еще так недавно рисовала задумчиво облик ветра. Теперь Надира знала: бабочка «арвохкапалак» не приносит плохих вестей. Ей хотелось сравнить портрет с оригиналом: не сильно ли она ошиблась, рисуя Шамола на память, насколько они схожи — настоящий Ветер и живой Шамол?

Но изображения на полотне не было. Оно исчезло. Был только высохший грунт, а на нем какие-то неясные тени, вдруг смутно напомнившие Надире силуэт ночной гостьи...

Мухаббат ЮЛДАШЕВА,
(Узбекистан). Некаʻalar